

13. Maksimov D.E. *Poeziya i proza Al. Bloka* [The Poetry and Prose by A. Block]. Moscow, 1975, p. 367. (In Russian).

14. Lavrov P.A. *Istoricheskie pis'ma* [Historical Letters]. Saint-Petersburg, 1906, pp. 120–121. (In Russian).

15. Maksimov D.E. *Poeziya i proza Al. Bloka* [The Poetry and Prose by A. Block]. Moscow, 1975, p. 366. (In Russian).

Дина Махмудовна Магомедова – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской классической литературы Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета; ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Круг научных интересов: история русской литературы Серебряного века, поэтика и эстетика русского символизма, текстология творчества А. Блока, теория лирических жанров.

E-mail: dinamag@gmail.com

Dina Magomedova – Doctor of Philology, Professor, head of the Department of Russian Classical Literature History, Institute for Philology and History, Russian State University for Humanities; Leading Researcher at the Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences.

Research interests: history of Silver Age Russian literature, poetics and aesthetics of Russian symbolism, textual studies of Alexander Blok's works, the theory of lyrical genres.

E-mail: dinamag@gmail.com

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Foreign Literature

А.В. Голубков (Москва)

ГАЛАНТНОЕ НАРЕЧИЕ VS «ДЬЯВОЛЬСКИЙ ЖАРГОН»: полемика вокруг аристократического языка во французской культуре XVII в.

Аннотация. Статья посвящена дебатам об аристократическом языке во французской культуре XVII столетия – в период до закрепления языковой нормы, определенной официальными словарями в конце века. Под влиянием трактата Б. Кастильоне «О придворном» начиная с 1610-х гг. в парижских салонах (в «Голубой гостиной» маркизы де Рамбуйе, во время «суббот» м-ль де Скюдери) культивировалось специфическое галантное наречие «лучших людей», отмеченное особой мягкостью, а также стремлением к метафорическим перифразам, намеренно отдаляющим его от языка народного. Уже к середине XVII в. этот «очищенный» салонный язык, часто отождествлявшийся с жаргоном светских дам – «прециозниц», оказался предметом суровой сатиры со стороны писателей и литераторов (Мольер, Ж. де Лабрюйер, Д. Буур, Морван де Бельгард и др.), причем критика салонной «идиомы» неизбежно проходила в русле галантной эстетики и базировалась на недопустимости «аффектации», провозглашаемой в книге Кастильоне. Салонная прециозная идиома, которая оказала влияние на разработку французской лингвистической нормы благодаря манифестированным требованиям утонченности и изящества, сама предстала в качестве догматической схемы, тоталитарно навязывающей свои правила.

Ключевые слова: аристократическая культура; галантность; прециозность; французский язык; салоны.

A. Golubkov (Moscow)

The Gallant Dialect vs “Devil’s Jargon”: The Debates about an Aristocratic Language in the French Culture of 17th Century

Abstract. The essay focuses on the debates concerning aristocratic language in the 17th century French culture – in the wake of the development of linguistic norms coined in the “official” dictionaries by the end of the century. Under the influence of Castiglione’s treatise “The Courtier”, Parisian salons (such as “the Blue chamber” of marquise de Rambouillet and “the Saturdays” of M. de Scudéry), starting with the 1610s, cultivated a specific gallant dialect marked by subtleness and metaphoric paraphrases that meant to distinguish it from the popular tongue. Already by mid 17th century, this “purified” salon language often associated with the jargon of “affected ladies” (les précieuses), had become a satirical target in the works of such writers as Molière, La Bruyère, Bouhours, etc. At the same time, the criticism of the salon-inspired “idioma” was itself part of the gallant aesthetics bearing on the unacceptability of “affect-

tion” as claimed by Castiglione. Thus, the pretentious salon idioma that influenced the development of the French linguistic norms due to the proclaimed demands of sophistication and elegance, was itself perceived as a dogmatic scheme imposing its rules on others in a totalitarian manner.

Key words: Aristocratic culture; elegance/galanterie; préciosité; French language; salons.

В своем капитальном исследовании «О процесс цивилизации» Н. Элиас размышлял о перипетиях складывания европейских национальных языков: отнюдь не народный узус, но лингвистическое поведение ограниченного «избранного» сообщества (придворного в Италии, придворно-светского во Франции, университетского в Германии) рассматривалось немецким исследователем в качестве их главных источников: «Удаление “дурного” из языка обосновывается “тонкостью чувств”, утонченным вкусом, каковой вообще играет немалую роль во всем процессе цивилизации. Но эта утонченность является достоянием небольшой группы. <...> Наделенные подобной деликатностью люди образуют небольшой круг и внутри него по взаимному согласию определяют, что хорошо и что плохо»¹. Эти размышления Элиаса иллюстрируются классическим трактатом о придворном обществе, созданном Б. Кастильоне в первой трети XVI в. и ставшем ключевым пособием по галантизации западной аристократии. В этом трактате-диалоге проговаривается необходимость создания особого элитарного языка, отличного от языка черни; именно такой аристократический диалект впоследствии и получит статус нормативного:

«Правильный речевой обиход творится людьми даровитыми, которые наряду с ученостью и опытностью, приобрели хороший вкус; с чем они и сообразуются, соглашаясь принять слова, кажущиеся им добротными и распознаваемыми посредством некоего природного суждения, а не искусства или какого-нибудь правила. Разве вам не известно, что обороты, придающие речи столько великолепия и изящества (grazia), являются отступлениями от грамматических правил, однако принятыми и узаконенными обычаем, потому что – и здесь нельзя привести другие объяснения – они доставляют удовольствие и сам слух, кажется, ласкают сладостно и нежно?»².

Пристальное внимание к языковым вопросам, к проблеме изобретения особого аристократического наречия во французской культуре наблюдается уже в ранних светских салонах (кружках, альковах, отелях), активно появившихся с начала XVII в. Яркий пример – лингвистические эксперименты в «Голубой гостиной» маркизы де Рамбуйе, где были предприняты попытки облагородить язык, прежде всего лексику и правила произношения. Известный мемуарист Ж. Таллеман де Рео, будучи поклонником маркизы, не без скепсиса вспоминает собрания в ее Отеле и личные беседы: «Она уж слишком шепетильна, и слово “шелудивый” (teigneux), встреченное в сатире или эпиграмме, вызывает у нее, как она говорит, неприятное впечатление. При ней не осмелишься произнести слово “зад” (le

mot du cû), и это уже слишком, когда чувствуешь себя непринужденным»³. Действительно, использование слова «зад» в Отеле Рамбуйе было категорически запрещено, причем настоящее правило касалось даже сложных слов, типа le cul-de-lampe (плафон, буквально «задник» лампы), le cul-de-sac (тупик, буквально «дно сумки»), le cul d’artichaut (мякоть артишока). Во всех приведенных случаях слово «cul» заменялось словом «fond» (глубина, задняя часть). Ряд лингвистических предписаний Рамбуйе, вполне в соответствии с логикой Элиаса, соблюдается вплоть до настоящих дней. В той же Голубой гостиной были предприняты попытки вывести из речи некоторые звуки, которые могли бы показаться слишком грубыми; сильнее всего досталось грассирующему «R», по поводу которого в конце 1637 г. состоялся знаменитый спор о слове «щеголь» – согласно ставшей впоследствии нормой женской моде (которую разделял, кроме прочих, поэт В. Вуатюр), следовало произносить «muscadin», но не «muscardin». В 1647 г. в трактате «Замечания о французском языке» К. Вожла обосновал теорию «прекрасного обихода» (Bel usage), опираясь практически исключительно на наречие «самой здоровой части» (la plus saine partie) общества, т.е. язык двора и светских салонов. Н.Ю. Бокадорова справедливо замечала, что «“прекрасный обиход” Света тесно связывался Вожла с языком “хороших писателей”, которые не могут не “резонировать”, стараясь сделать свою речь одновременно французской и грамматически правильной», в связи с чем «сближение устной и письменной речи шло в основном по линии приближения разговорного обихода “лучшей части придворного общества” к письменному языку»⁴.

Спустя два десятилетия после опытов салона Рамбуйе мы оказываемся свидетелями схожих процессов в кружке Мадлены де Сюдери, о знаменитых «субботах» которой вспоминал французский мемуарист Ж. де Лабрюйер в своей книге «Характеры», созданной в 1670–1680-е гг.: «Не так давно в нашем светском обществе существовал кружок, состоявший из мужчин и женщин, которые собирались, чтобы обмениваться мыслями и беседовать. Искусство изъясняться вразумительным языком они предоставили черни: стоило одному из членов кружка сказать что-нибудь неясное, как другой отвечал ему еще более туманно, и чем загадочней становился их разговор, тем громче рукоплескали остальные»⁵. Лабрюйер с позиции ученого, практически педанта, обращает внимание на то, что в описываемом кружке была предпринята попытка создать свой особенный элитарный язык, отличающийся гипертрофированной изысканностью; Лабрюйер, заметим, указывает, что язык этот был чужд здравому (т.е. общедоступному) смыслу и базировался на принципах остроумия и воображения: «Употребляя выражения, которые, на их взгляд, отличались изяществом, изысканностью, чувствительностью и утонченностью, они вовсе разучились понимать не только друг друга, но и самих себя. Для этих бесед не требовалось ни здравого смысла, ни глубины суждения, ни памяти, ни пронизательности, ничего, кроме остроумия, да и то натянутого, вымученного, – остроумия, в котором слишком большую роль играло воображение»⁶. Лабрюйер, критикуя языковые новации Сюдери, волей-неволей

в качестве «мишеней» избирает те же цели, что Кастильоне описывал в качестве желаемых: «Мы <...>, имея перед глазами торные дороги, стараемся идти кружными путями: ибо и в своем собственном языке, назначение коего, впрочем, как и всех других, хорошо и ясно выражать мысли души, нам доставляет удовольствие то, понимание чего затруднено; и называя его народным языком, мы стремимся употреблять в нем слова, непонятные не только народу, но и людям благородным и образованным, и неупотребляемые более нигде»⁷.

Приведенный выше отрывок из Лабрюйера косвенно подтверждает суждение известного парижского антиквара Анри Совалья, который в тексте обширного свода «Парижских древностей», созданном в то же время, что и «Характеры», внедрение особого «жаргона» связывал именно с «субботами» м-ль де Сюдери, активно продвигавшей свои идеалы с ноября 1653 г. Соваль утверждал, что именно в период зимы 1657–1658 гг. ее языковая политика стала особенно агрессивной и привлекла широкое внимание парижан⁸. На волне критики языковых экспериментов Рамбуйе и Сюдери, собственно, возникло обозначение прециозницами женщин, которые разделяли сюдерианские идеалы, а также появились «Смешные жеманницы [прециозницы] Мольера (1659) и настоящая билингва «Большой словарь прециозниц, или Ключ к языку альковов» Антуана Бодо де Сомеза (1660).

В мольеровской пьесе две провинциальные девицы, пытаясь стать настоящими прециозницами, начинают общаться на особом «дьявольском жаргоне» («diable de jargon», так классифицирует язык девиц отец одной из них – Горжибюс), примерами которого могут быть реплики: «Скорее подай нам наперсника Граций» (имеется в виду зеркало)⁹; «Поскорее вкатите сюда удобства собеседования» (имеются в виду стулья)¹⁰. Именно де Сомезу мы обязаны фиксацией большинства «прециозных» фраз, в том числе и тех, что фигурируют у Мольера. Заметим, что слова, начинающиеся с неприличного «К», были изгнаны из прециозного словаря; де Сомез такую информацию включает в словарную статью на эту букву. Среди указанных Сомезом фраз: «Мозг – Возвышенное»; «Черные пряжи – Сумерки»; «Факелы – Дополнение к Солнцу // Неопалимое»; «Вы прекрасно поете – Вы в высшей степени прекрасно используете свой голос»; «Зад – Смущенный низ»; «Каминная подставка для ног – Длани Вулкана»¹¹. Язык прециозниц дошел до нас фактически только лишь в текстах сатиры. Устремление к аллегории и поиску потаенных смыслов анонсируется в качестве принципа поведения в романе «Прециозница, или тайна алькова» сатирика Мишеля де Пюра, написанного незадолго до мольеровской пьесы. Нельзя не согласиться с С. Рейнар, которая утверждает, что в прециозном языке, ставшем одним из симптомов культуры «Новых», гипертрофированно развился эстетизм в ущерб риторике: «концепт свободы заменил собою школьную риторiku, столь дорогую для Древних»¹².

Прециозные эксперименты с метафорическим переименованием слов оказались в центре внимания ученых и светских теоретиков XVII в. Так, в своей «Риторике» (1675) Бернар Лами утверждал, что «перифразом поль-

зуются в случае, если хотят избежать употребления каких-либо слов или выражений, имеющих неприятный смысл, или если не хотят производить дурное впечатление на слушателя»¹³. В то же время Лами уже призывает избегать «необычайных» фигур, ибо они противоречат французскому духу: «Французы вообще не любят слишком сильных фигур. Франция – нежная и изысканная страна, не выдерживающая сильных, горячих настроений. Мы уважаем и любим тех, кто умеет сдерживаться, и потому разные необычайные фигуры кажутся нам смешными, за исключением весьма редких случаев»¹⁴. Лами в середине 1670-х гг. выступает с критикой аффектации, свидетельством чему как раз и оказывается метафорическая речь; схожие размышления были актуализированы и отцом Домиником Бууром в его вышедших в 1671 г. «Разговорах Ариста и Евгения» («Les entretiens d'Ariste et d'Eugène», созданы в 1662–1666 гг.). Несмотря на то, что отец Буур свидетельствует о высоком значении прециозного вокабуляра, который «обогастил французский язык большим количеством слов и выражений»¹⁵, он вполне в духе Лами говорит о преимуществах естественности и нейтральности разговора, где не должно быть места аффектации, в том числе и языковой. Для нашей темы особенно интересен разговор «Не-знамо-что» («Je-ne-sais-quoi»); «не-знамо-что» оказывается тем неэксплицируемым «обаянием», которое противостоит в том числе прециозной машинерии и жеманству: «То, как вы говорите, свидетельствует о том, что Вам хорошо известна природа этого “не-знамо-что” (je-ne-sais-quoi) <...>. Гораздо легче чувствовать его, нежели знать о нем, – ответил Арист. Если бы все узнали, что он собой представляет, то он уже не был бы je-ne-sais-quoi; по самой его природе он непонимаем и необъясним»¹⁶.

Буур фактически концептуализирует французский аналог кастильоновской *grazia* – нерационализируемой «харизмы»: «Нет смысла быть хорошо сложенным, умным и веселым и отличаться всем, что нравится каждому; если не хватает je-ne-sais-quoi, то все эти прекрасные качества как бы мертвы, в них нет того, что цепляет или трогает. Это как рыболовный крючок без наживки или прикорма»¹⁷. В том же духе выступал в конце века и такой теоретик светского разговора, как Жан-Батист Морван де Бельгард (1648–1734); в его работе претензии к прециозницам лежат именно в плоскости излишней аффектации и чрезмерной тяжести стиля. В своей ключевой работе «Размышления по поводу элегантности и тонкости стиля» («Réflexions sur l'élégance et la politesse du style», 1695) Морван де Бельгард выступил с обличением устремленности к неологизмам, присущей людям света, в особенности женщинам:

«Большинство благородных дам, имеющих разумение и хорошо знающих свет, говорят с тонкостью, при этом не изобретают новых слов, но располагают так удачно те слова, которыми обыкновенно пользуются, что те кажутся такими новыми и как будто специально предназначенными для того, чтобы выразить то, что ими хотят сказать. Выражать все свое чувство в одном лишь слове и оставить догадываться о тысячах приятностях – именно в этом и заключается изысканность выражения. Оно совершенно не состоит в больших словах, в долгих соеди-

нениях и сочетаниях слов или же в тщательно сочлененных периодах, необходимо «не-знамо-что» (je-ne-sais-quoi) – естественное, непринужденное, простое, наивное, легкое, но живое и искусное»¹⁸.

Укажем, что Бельгард подчеркивает как раз излишнюю напыщенность и незелегантность стиля, основанного на избытке неологизмов и сочетаниях слов, которые приводили к непониманию, излишней вычурности, искусственности и герметичности, т.е. к affectation, что Бельгард считал уже отличительным качеством прециозного стиля:

«Аффектация, в каком бы роде она ни была, ничуть не нравится разумным людям; в том же что касается языка, она вызывает шок. Дамы горды тем, что постоянно повторяют слова, которые вот-вот только появились на свет и использование которых еще не разрешено; вот этого-то необходимо избегать, ибо ухо еще не приспособилось [к этим словам]. Если присмотреться, то большинство излюбленных слов происходят из прециозного языка, где они обыкновенно находятся»¹⁹.

В параграфе «Прециозные слова» («Termes gracieux») Бельгард уже признает жаргон прециозниц «больным языком», который возник из чистого позерства и неутолимого желания возвыситься над аудиторией. Наряду с аффектацией, Бельгард упрекает женщин в том, что они, желая прослыть учеными, прибегают к напыщенности стиля, который получал воплощение как раз в «растрате слишком магических терминов»: в качестве примера Бельгард приводит прециозную перифразу, обозначающую закат – «День начинал смешиваться с умирающим светом огня». Бельгард, один из теоретиков светского разговора, полагает, что прециозный язык не может считаться таковым как раз из-за своей авторитарности, надуманности и искусственности соположений отдаленных предметов.

Безусловно, пуристские стратегии Рамбуйе, Скюдери и других прециозниц оказались плодотворными как для французской лексики, так и для синтаксиса. Поиск утонченности, отказ от грубостей и низкого стиля, вульгаризмов – это главные лингвистические постулаты прециозниц, однако именно такие принципы лежали в основе эстетики классицизма. В то же время, прециозный язык быстро стал рассматриваться как девиация или карикатура языка светского; Ж.М. Пелу справедливо говорит о том, что прециозные «языковые инновации были настолько радикальны и многочисленны, что они привели к полной перекройке языкового узуса и сформировали, параллельно с наречием “людей чести”, особый диалект, который был в ходу исключительно у членов прециозной секты»²⁰. Метафорические перифразы, несмотря на авторитет Кастильоне, предписывавшего использование усложненного языка, быстро становились анахронизмами для представителей галантной культуры. Тем примечательнее, что сама критика прециозниц и их языковых инноваций проходит в рамках кастильоновской же философии светскости: вспомним, что в трактате Кастильоне к числу недостойных качеств в разговоре относятся грубость, излишняя эмоциональность, фанатизм, а также педантизм; фактически

идеалом придворного оказывается тот, кто способен к мимикрии аффектов: «Всегда крайне неприятное впечатление вызывает губительная для всего аффектация; и наоборот, необыкновенной привлекательностью (grazia) наделяются простота и непринужденность (sprezzatura)»²¹. Такой непринужденности и невообразимого обаяния как раз и не доставало прециозницам, которые в своих дискурсивных практиках не сумели выдержать баланс между темнотой стиля и его естественностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Элиас Н. О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М.; СПб., 2001. С. 180.

² Кастильоне Б. Придворный // Сочинения великих итальянцев XVI века. СПб., 2001. С. 223.

³ Таллеман де Рео Ж. Занимательные истории. Л., 1974. С. 151.

⁴ Бокадорова Н.Ю. Французская лингвистическая традиция XVIII – начала XIX века: структура знания о языке. М., 1987. С. 28.

⁵ Лабрюйер Ж. де. Характеры, или Нравы нынешнего века // Размышления и афоризмы французских моралистов XVI – XVIII веков. СПб., 1995. С. 274.

⁶ Лабрюйер Ж. де. Характеры, или Нравы нынешнего века // Размышления и афоризмы французских моралистов XVI – XVIII веков. СПб., 1995. С. 274.

⁷ Кастильоне Б. Придворный // Сочинения великих итальянцев XVI века. СПб., 2001. С. 223.

⁸ Sauval H. Histoires et recherches des Antiquités de la ville de Paris. Vol. 3. Paris, 1724. P. 83.

⁹ Мольер Ж.Б. Смешные жеманницы // Мольер Ж.Б. Комедии. М., 1972. С. 37.

¹⁰ Мольер Ж.Б. Смешные жеманницы // Мольер Ж.Б. Комедии. М., 1972. С. 39.

¹¹ Somaize A.V. de. Le grand dictionnaire des précieuses // Duchêne R. Les précieuses, ou Comment l'esprit vint aux femmes. Paris, 2001. P. 414–500.

¹² Raynard S. La Seconde préciosité. Floraison des conteuses de 1690 à 1756. Tübingen, 2002. P. 313.

¹³ Лами Б. Риторика, или Искусство речи // Пастернак Е.Л. «Риторика» Лами в истории французской филологии. М., 2002. С. 149.

¹⁴ Лами Б. Риторика, или Искусство речи // Пастернак Е.Л. «Риторика» Лами в истории французской филологии. М., 2002. С. 159.

¹⁵ Bouhours D. Entretiens d'Ariste et d'Eugène. Paris, 1962. P. 64.

¹⁶ L'art de la conversation: antologie. Paris, 1997. P. 41.

¹⁷ L'art de la conversation: antologie. Paris, 1997. P. 42.

¹⁸ L'art de la conversation: antologie. Paris, 1997. P. 198.

¹⁹ Denis D. Le Parnasse galant: Institution d'une catégorie littéraire au XVIIIe siècle. Paris, 2001. P. 310.

²⁰ Pelous J.M. Amour précieux, amour galant: Sur la représentation de l'amour dans la littérature et la société mondaines (1654–1675). Paris, 1980. P. 347.

²¹ Кастильоне Б. Придворный // Сочинения великих итальянцев XVI века. СПб., 2001. С. 229.

References
(Monographs)

1. Elias N. *O protsesse tsivilizatsii: sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya* [Sociogenetic and Psychogenetic Investigations]. Moscow; Saint-Petersburg, 2001, p. 180. (Translated from German to Russian).
2. Bokadorova N.Yu. *Frantsuzskaya lingvisticheskaya traditsiya XVIII – nachala XIX veka: Struktura znaniya o yazyke* [French Linguistic Tradition 18th – early 19th Century: The Structure of Knowledge of the Language. Moscow, 1987, p. 28. (In Russian).
3. Raynard S. *La Seconde préciosité. Floraison des conteuses de 1690 à 1756*. Tübingen, 2002, p. 313. (In French).
4. Duchêne R. *Les précieuses, ou Comment l'esprit vint aux femmes*. Paris, 2001. (In French).
5. Denis D. *Le Parnasse galant: Institution d'une catégorie littéraire au XVIIe siècle*. Paris, 2001, p. 310. (In French).
6. Pelous J.M. *Amour précieux, amour galant: Sur la représentation de l'amour dans la littérature et la société mondaines (1654–1675)*. Paris, 1980, p. 347. (In French).

Андрей Васильевич Голубков – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН; доцент кафедры сравнительной истории литератур Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета.

Научные интересы: французская литература эпохи Возрождения, XVII в. и Просвещения, французская «галантная» традиция.

E-mail: andrejgolubkov@mail.ru

Andrey Golubkov – Candidate of Philology, Senior Researcher at the Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences; Associate Professor at the Department of Comparative Studies of Literature, Institute for Philology and History, Russian State University for the Humanities.

Research interests: French literature from the ages of the Renaissance, the 17th century and the Enlightenment; the French cultural tradition of the “elegance/gallantries”.

E-mail: andrejgolubkov@mail.ru

K. Sanina (Vladivostok)

ORIGINS AND DEVELOPMENT OF A “PYGMALION AND GALATEA” MOTIF IN WRITINGS OF TANIZAKI JUN'ICHIRO

Abstract. The main goal of the article is to define the genesis of the motif constantly appearing in the writings of Tanizaki Jun'ichirō and referred to as “Pygmalion and Galatea” motif. Using the comparative and historical-biographical methods of literature studies it is possible to detect whether this motif has actual connection to “Pygmalion” myth and the works of O. Wilde and B. Shaw influenced by that myth. An influence of the classic Japanese literature's motif reminiscent of “Pygmalion and Galatea” one was also observed in the writings of Tanizaki. The modification of the motif is attributed to the “Return to Japan” – period in life of the writer, when he was disenchanted by the results of westernization and modernization of Japan. The images of “rebellious Galatea” (“The Tattooer”, “Naomi”) was created when Tanizaki was deeply interested in Western literature. The archetype of “obedient Galatea” (“Some Prefer Nettles”) appeared when the writer turned his attention to Japanese tradition. The motif of “Pygmalion and Galatea” is used in Tanizaki's writings continuously, transforms along with the writer's cultural and literary preferences of the moment and helps to intensify the main conflicts in his works such as West and Japan, tradition and modernity, art and artist.

Key words: Modern Japanese literature; Tanizaki Jun'ichirō; Pygmalion and Galatea; cross-cultural influence.

К.Г. Санина (Владивосток)

Истоки и развитие мотива «Пигмалион и Галатее» в произведениях Танидзаки Дзюньитиро

Аннотация. Основными целями статьи являются определение источников возникновения и прослеживание особенностей развития в произведениях Танидзаки Дзюньитиро мотива, который принято обозначать как «Пигмалион и Галатее». Используя сравнительный и историко-биографический методы изучения литературы, удалось рассмотреть проблему связи творчества Танидзаки с мифом о Пигмалione и его трактовкой в произведениях О. Уайльда и Б. Шоу. С развитием Танидзаки как писателя происходит трансформация мотива «Пигмалион и Галатее», т.к. очевидной становится его связь со схожим мотивом, встречающимся в классической японской литературе. Подобное развитие мотива объясняется в первую очередь началом периода «Возврата к Японии» в творчестве Танидзаки. В это время писатель разочаровывается в результатах процессов модернизации и вестернизации Японии и обращается за вдохновением к традиционной японской культуре. Образы «бунтующей Галатеи» (рассказ «Татуировка», роман «Любовь глупца») были созданы на раннем этапе творчества Танидзаки, когда писатель был увлечен европейской литературой и культурой. Архетип «покорной Галатеи» (повесть «О вкусах не спорят») появляется в его произведениях именно с началом этапа «Возврата к Японии». Танидзаки последовательно использует мотив «Пигмалион и Галатее» на каждом этапе творческого пути, трансформируя его